

Проблема соотношения международного и национального права занимает центральное место в доктрине и практике современного нормотворческого процесса, хотя имеет давние исторические корни.

По мере развития международных отношений вопрос о взаимосвязи международного и национального права стал привлекать внимание юристов-международников уже в начале XIX в.

Так, русский юрист Ф.Ф. Мартене писал, что «современное международное право нельзя понять, не зная действующего государственного права образованных народов». Другой русский международник И.А. Камаровский подчеркивал, что «нормы, выставленные каким-либо одним государством, превращаются в международные лишь на основании согласия всех остальных народов, выраженного либо молчаливо (обычай), либо формально (договор)».

Однако доктринальные концепции соотношения международного и внутреннего права были разработаны в трудах западных ученых. Ими были выдвинуты две теории, признаваемые и в настоящее время: дуалистическая и монистическая.

Дуалистическая концепция была впервые сформулирована немецким ученым XIX в. Г. Трипелем в его работе «Международное и внутригосударственное право». Суть ее сводилась к следующему: «Международное и внутригосударственное право суть не только различные отрасли права, но и различные правовые порядки. Это два круга, которые тесно соприкасаются, но никогда не пересекаются».

Наиболее верным последователем дуалистической теории среди современных ученых был итальянец Д. Анцилотти. Однако и Г. Трипель, и Д. Анцилотти, относя международное и национальное право к различным правовым системам, не отрицали их взаимосвязи.

Г. Трипель указывал, что международное право будет «во многих отношениях совсем бессильным», если оно не будет постоянно «обращаться за помощью к внутреннему праву».

Советская доктрина международного права в абсолютном большинстве разделяла дуалистическую концепцию, но акцентировала внимание на взаимодействии

международного и национального права в процессе нормообразования.

Современный итальянский юрист-международник А. Кассезе, поддерживая позицию Г. Трипеля, указывает, что международное право не является самодостаточной правовой системой, так как государство не способно самостоятельно выражать свою волю, являясь абстрактной структурой действующей через индивидов.

Монистическая концепция рассматривает международное и национальное право как части единой правовой системы. Впервые в 1899 г. данную идею выдвинул немецкий ученый В. Кауфманн. Однако он признает их неравноправными по своему статусу, а отдает предпочтение либо приоритету национального права, либо приоритету международного права. Отсюда сформировалось два направления в монистической теории.

Первое - наиболее раннее, получившее развитие в XIX в., исходило из признания верховенства национального права и рассматривало международное право как сумму внешнегосударственного права различных стран. Выразителем указанного направления явился немецкий философ Г. Гегель, который утверждал, что «взаимоотношения между государствами представляют собой взаимоотношения между самостоятельными контрагентами, которые стипулируют между собой, но... остаются выше этих стипуляций». Рассматривая государство как «абсолютную власть на земле», он приходил к выводу, что государство способно не только по своей воле изменить внутреннее право, но и нормы внешнегосударственного права, т.е. международного права. Несостоятельность указанных постулатов очевидна, ибо они легализируют произвол в международных отношениях, отрицая возможность создания международного правопорядка.

Однако в настоящее время монистическая теория, признающая верховенство национального права, не имеет сторонников среди юристов-международников.

Наибольшее распространение получило второе направление монистической концепции, основывающееся на признании примата международного права. Следует подчеркнуть, что среди представителей указанного направления нет единства относительно правовых последствий доминирующего влияния международного права на процесс внутригосударственного регулирования, что привело к возникновению двух течений: радикального монизма и умеренного монизма.

Выразителем идеи радикального монизма является австрийский ученый Г. Кельзен, который считается автором монистической теории. По мнению Г. Кельзена, международный правопорядок имеет значение как часть универсального правопорядка, включающего все национальные правопорядки. Международный правопорядок определяет территориальную, персональную и временную сферы действительности национальных правопорядков, делая возможным существование множества государств. Причем международное право определяет содержание национального права, регулируя те вопросы, которые бы государства, в противном случае регулировали бы произвольно в одностороннем порядке. Государство, по мнению Г. Кельзена это правовое явление, юридическое лицо, корпорация. Отсюда соотношение международного права и национального «напоминает соотношение национального правопорядка и внутренних норм корпорации». Отвергая дуалистическую теорию, он утверждает, что лишь чистая теория права, по его мнению, дает возможность рассматривать международное и национальное право как части единой универсальной системы, проистекающей из единой общей нормы. Международное право, являясь высшим правопорядком, делегирует полномочия государствам осуществлять юрисдикцию на своей территории. Поэтому нормы национального права должны основываться на нормах международного права и в случае противоречия последним теряют юридическую силу¹.

Позицию Г. Кельзена разделяли французские ученые Ж. Ссель и Ш. Руссо, которые признавали «существование международного правопорядка, стоящего над государственными федеральными правопорядками»². Однако ошибочность теоретических воззрений радикальных монистов, отрицающих государственный суверенитет, сразу становилась очевидной при сопоставлении их с реальным процессом нормотворчества, что подчеркивалось в советской доктрине международного права 70-80-е гг. прошлого столетия. Советские юристы-международники (Р.А. Мюллерсон, Е.Т. Усенко, Г.И. Тункин, Д.Б. Левин и др.) указывали, что сторонники как верховенства национального права, так и примата международного права противопоставляют международное право и государственный суверенитет, но государственный суверенитет и международное право предполагают друг друга. Объективная реальность такова, что государства в силу своего суверенитета являются основными субъектами и творцами международного права, определяя по своему усмотрению его содержание. В то же время суверенитет государства не является абсолютным, и оно обязано соблюдать международный правопорядок, установленный международным сообществом. Отсюда суверенитет государства означает их равенство, неподчинение друг другу, а не международному праву.

Неправильность утверждений радикальных монистов стала очевидной и для западных юристов, что привело к появлению нового течения умеренного монизма. Его представители Я. Броунли, Х. Лаутерпахт (Англия), А. Фердросс (Австрия), В.Фридман (США) считают, что концепция радикальных монистов «не соответствует правовым реальностям существования суверенных государств и низводит внутригосударственное право до положения служанки международного права». Умеренные монисты подвергают критике и постулат о делегировании международным правом юрисдикционных полномочий государствам, подчеркивая тот факт, что международное право устанавливает пределы деятельности каждого государства, ограничивая тем самым свободу их действий на международной арене. Поэтому внутреннее право в случае противоречия международным обязательствам государства автоматически не теряет силы, законы и иные нормативные акты продолжают временно применяться национальными судами до тех пор, пока государство не приведет их в соответствие с международными обязательствами.

Если такие акты затрагивают интересы другого государства - участника международного договора, оно может потребовать через дипломатические каналы, чтобы первое государство выполнило свои международные обязательства, т.е. привело свое законодательство в соответствие с положениями договора.

Следует отметить, что предложенная умеренными монистами концепция относительно временной действительности национальных законов, противоречащих международным обязательствам, привела к появлению в современной западной доктрине нового течения, называемого теорией гармонизации, выдвинутой английским юристом Дж. Фитцморисом. Он ссылается на международную ответственность государства, если оно не приводит свое законодательство в соответствие с международным правом, и указывает на то, что вопрос трансформации национального права лежит исключительно в сфере компетенции государства. Международная ответственность государства не аннулирует закон. Международный Суд может только обязать государство уплатить репарацию, если таким законом нанесен ущерб другому государству.

И наконец, ряд западных юристов-международников (М. Шоу (Великобритания), Б. Баархорн (Нидерланды)) считают, что разногласия между монистами и дуалистами по проблеме соотношения международного и национального права носят нереальный, искусственный характер и отрицают существование общей системы, в которой одновременно действуют международное и национальное право либо одному из них принадлежит приоритет, или право вмешательства в правовую

систему другого. Каждое право является верховным в своей собственной системе: английское право - на территории Великобритании, французское - во Франции. Нельзя говорить о верховенстве французского права над английским, а лишь о двух различных правовых системах, действующих самостоятельно. Такой же подход применим к проблеме соотношения международного и национального права, оба они являются правовыми системами, действующими в различных правопорядках. Вопрос о соотношении возникает лишь в случае конфликта обязательств, когда государство, основываясь на внутреннем праве, действует вопреки международным обязательствам. В таком случае поведение государства является неправомерным, но не преодолевается соответствующей нормой международного права. Очевидно, что указанная аргументация при всем ее критическом отношении к монизму и дуализму, фактически отражает дуалистическую концепцию.

Что касается позиции ученых стран СНГ, особенно российских, в трудах которых проблема соотношения международного и национального права обсуждается наиболее активно, то в отличие от советской доктрины большинство из них разделяет позиции умеренных монистов, рассматривая международное и национальное право как части единой системы права при определяющем влиянии первого на процесс национального нормотворчества.

Лишь некоторые российские ученые (Е.Т. Усенко, С.В. Черниченко) продолжают отстаивать дуалистические подходы. В частности, Е.Т. Усенко утверждает, что возражения против самостоятельности двух правовых систем научно не обоснованы. Где нет самостоятельности, там нет отношений между ними, а лишь «состояние слитности, нерасчлененности». Отношение предполагает связь. Однако эта связь не имеет характера подчинения, а лишь координации, взаимосогласованности и взаимодополняемости. Такой же аргумент приводится С.В. Черниченко, указывающим на то, что международное и внутригосударственное право не подчинены друг другу в плане юридического старшинства: «Они действуют в разных плоскостях, реализуются в разных сферах, обусловленных природой регулируемых».

При всей справедливости последнего высказывания нельзя согласиться с утверждением Е.Т. Усенко, что международное право не имеет «собственной юридической силы на территории государства. Для того, чтобы оно приобрело такую силу, оно должно иметь статус национальной нормы. А это может сделать только территориальный суверен, издав соответствующий национально-правовой акт». Как будет показано ниже, вследствие интернационализации современной

общественной жизни, способы влияния международного права на реформирование национальной правовой системы разнообразны и включают, при наличии явно выраженной воли государства, прямое действие международных норм на его территории.

В целом же анализ дуалистической и монистической концепций позволяет сделать вывод, что, только используя все рациональное в доктринальных подходах дуалистов и монистов, можно понять механизм современного нормообразования. Базируясь на положениях дуалистической теории, следует признать автономность, специфику действия международного права и национального права в субъектной, нормообразовательной и правоприменительных сферах. Но их самостоятельность не означает изолированность. Международное и национальное право находится в тесном взаимодействии, постоянном взаимном влиянии как в содержательном, так и в процессуальном плане.

Причины тесной взаимосвязи и взаимовлияния международного и национального права выражаются в следующем:

- совпадение субъектов международного и национального права. Государства, являясь основными субъектами международного права, создают нормы международного права. И в то же время государства осуществляют суверенную законодательную и исполнительную власть на своей территории, определяя внутреннюю и внешнюю политику. При этом следует учитывать, что нормы международного права по процедуре принятия значительно отличаются от норм внутреннего права. Если первые выражают интересы государств, участвующих в разработке договора, и носят компромиссный характер, то вторые защищают интересы конкретного государства;
- определяющее значение имеют объективные факторы: процессы, происходящие в современном мире. Стремление государств к интеграции, развитию мирохозяйственных связей, особенно на региональном уровне, приводит к созданию международных организаций наднационального характера (например, ЕС), которым государства передают верховные полномочия в основных сферах деятельности (экономика, оборона), наделяя их правом принимать решения прямого действия не только в отношении государств, но их физических и юридических лиц.

Интернационализация общественной жизни и, как следствие, усиление взаимозависимости государств, сближение правовых систем, ведет к расширению

объектов международно-правового регулирования, включению в них вопросов, ранее входивших в исключительно внутреннюю компетенцию государства. Такие сферы, как права человека, экономика, разоружение, стали предметом совместного регулирования международного и национального права.

1.2 Влияние национального права на процесс международного нормотворчества

Взаимодействие международного права и национального права выражается в их взаимовлиянии в процессе нормотворчества.

Влияние национального права на международное право исторически является первичным, т.к. сначала возникли государства, а затем у них появилась потребность в развитии сотрудничества, что и выразилось в разработке договоров, формировании обычаев, иными словами, «государства создают международное право, а не наоборот».

Первичность влияния национального права не предполагает его верховенства. Это лишь подтверждение суверенитета государства, от усмотрения которого зависит его участие в разработке международного договора либо подписание и ратификация последнего. Если участие в договоре противоречит внутренним интересам государства, оно не станет его стороной.

Влияние национального права на международное право осуществляется двумя путями: непосредственное влияние и опосредованное влияние.

Непосредственное (прямое влияние) национального права наиболее распространено в международном нормотворчестве. Причем оно проявляется при разработке как материальных норм международного права (влияние на содержание нормы), так и процессуальных (порядок заключения, вступления в силу).

Влияние национального права на содержание норм международного права — это постоянно происходящий процесс, определяющий специфику формирования договорных и обычных норм международного права. При разработке конвенций, особенно универсального характера, предварительно анализируется и обобщается законодательство государств в соответствующей области и затем идентичные нормы получают закрепление в конвенции.

Важную роль играет национальное законодательство при формировании международного обычая. Закрепление поведения государства в какой-либо сфере

сотрудничества в национальном законодательстве квалифицируется как доказательство *opinio juris*, признание государством такого поведения для себя обязательным является определяющим критерием для формирования обычной нормы международного права.

Абсолютное большинство институтов и отраслей международного права имеет обычно-правовое происхождение. Так, следующие принципы международного права вначале получили отражение в законодательстве государств:

- принцип уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела государства - в декретах Французской буржуазной революции;
- принцип права наций на самоопределение - в декретах Советской России, затем были восприняты законодательством других стран и таким образом получили международное признание.

Такой же процесс формирования характерен для институтов дипломатического, консульского и морского права. Первично закрепленные в законодательстве государств обычные нормы дипломатического, консульского и морского права приобрели статус договорных соответственно в Венских конвенциях 1961 и 1963 гг., в четырех Женевских конвенциях по морскому праву 1958 г. и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Влияние национального права на создание процессуальных норм международного права касается главным образом порядка заключения и вступления в силу международных договоров. Необходимость координации национального и международного права объясняется тем, что заключение договоров является одной из важнейших функций государств и порядок заключения и вступления в силу международных договоров закрепляется в конституциях и законах государств, отличающихся различными подходами к этому вопросу. В то же время процедура заключения договоров регулируется международным правом. Поэтому при разработке проекта Конвенции о праве международных договоров Комиссией международного права ООН проводился тщательный анализ законодательства государств в этой области.

Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. регламентирует различные способы вступления договора в силу, но от государства зависит, какие способы оно считает для себя приемлемыми, что находит отражение в его законодательстве (например, в Республике Беларусь - в Законе Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-З «О международных договорах Республики

Беларусь»).

Приоритетное значение национальной процедуры заключения и вступления в силу международного договора подчеркивается ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., которая предусматривает возможность для государства оспаривать действительность международного договора, если он заключен в нарушение норм внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, если это нарушение было явным и касалось «нормы внутреннего права особо важного значения».

Опосредованное влияние национального права на международное право проявляется в применении иностранного законодательства в сфере межгосударственных отношений. Такое влияние характерно для соглашений о правовой помощи (например, соглашение о применении иностранного приговора, о передаче судебного преследования, о передаче контроля за условно освобожденными или условно осужденными).

Применение иностранного законодательства может быть закреплено в соглашении-компромиссе о передаче спора в международный арбитраж, где стороны уполномочивают суд применять нормы национального права. Встает вопрос о статусе норм национального права при применении их в международно-правовой сфере. Международный Суд ООН в своем решении 1970 г. по делу Барселонской компании (Бельгия против Испании) высказал такое мнение: «Суд не имеет компетенции во внутреннем праве, он может только сослаться на него. Ссылаясь на такие нормы, он не может модифицировать, а тем более, исказить их».

Таким образом, нормы национального права, используемые международными судами, являются лишь доказательством факта в конкретном случае.

1.3 Влияние международного права на функционирование национального права

Современный характер национального нормотворчества делает влияние международного права необходимым элементом модификации и совершенствования национального законодательства. Это обусловлено, во-первых, признанием принципа *parata sunt servanda* императивной нормой международного права и во-вторых, более высоким уровнем регламентации в международном праве ряда вопросов, относящихся к сфере совместного регулирования с национальным правом, например, прав человека.

Влияние международного права на практике выражается в помощи национального права при реализации норм международного права. Необходимость такой помощи обуславливается спецификой норм международного права. Так, Г. Кельзен указывал, что «большинство норм международного права являются неполными и требуют имплементации со стороны национального права».

С такой мотивировкой нельзя полностью согласиться. Основная причина не в содержании норм международного права, а в субъектах, которым они адресованы. Нормы международного права ориентированы на государство.

Однако деятельность государства, по справедливому замечанию Р.А. Мюллерсона, осуществляется через его органы, статус которых регулируется национальным правом. Именно в национальном праве определяется, какие органы уполномочиваются реализовать нормы международного права. Следовательно, первой причиной, объясняющей необходимость помощи национального права при реализации норм международного права, является то, что к субъектам международного права относятся сложные социальные образования, которые в международном праве воспринимаются как единое целое, несмотря на сложную структуру их организации и деятельности. Эта особенность подчеркивалась Г. Трипелем, который указывал, что международное право регулирует общую жизнь государств, но государство способно действовать через свой собственный механизм, являющийся результатом действия правовых норм, созданных им самим.

Вторая причина, вызывающая необходимость помощи со стороны национального права, заключается в том, что многие международные договора содержат положения, ориентированные на участие субъектов национального права (например, законодательных и правоприменительных органов). Таковы конвенции по правам человека, гуманитарному праву, по борьбе с отдельными видами уголовных преступлений. В частности, последние требуют от государств привлечь преступника к судебной ответственности и наказать как за тяжкое уголовное преступление. Такие нормы международного права, в отличие от других, регулирующих межгосударственные отношения, обуславливают помощь национального законодательства не только в форме указания конкретным органам, ответственным за обеспечение международных обязательств, но и требования существенной модификации национального права (разработка новых законов, отмена или изменение действующих). Отсюда можно сделать вывод, что, независимо от формы помощи национального права международному праву, возможен лишь один способ влияния последнего на национальное законодательство - опосредованное влияние. Юридические основания

опосредованного влияния международного права вытекают из принципа *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться), который следующим образом трактуется в Заключительном акте СБСЕ 1975 г.: «При осуществлении своих суверенных прав, включая право устанавливать законы и административные правила», государства «будут соотноситься со своими юридическими обязательствами по международному праву».

Приоритетное влияние международного права на внутреннее законодательство гарантируется ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., согласно которой «государство не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения договора».

Следует отметить, что в доктрине международного права нет единой терминологии, определяющей способы и формы реализации норм международного права в национальном законодательстве. Используются следующие термины: имплементация, принятие, отсылка, рецепция, инкорпорация, трансформация, адаптация, гармонизация. Большинство авторов, и это вполне обоснованно, под имплементацией понимают весь процесс реализации норм международного права в национальное законодательство.

Представляется, что наиболее детальное и всеохватывающее определение понятия «имплементации» дано белорусским юристом В.Ю. Калугиным: «имплементация норм международного права - это деятельность государств по всестороннему, своевременному, полному воплощению в жизнь предписаний, содержащихся в нормах международного права, а также и иное обеспечение этой деятельности, предпринимаемые ими на внутригосударственном уровне самостоятельно, или на международном уровне индивидуально или совместно с другими государствами, в том числе и в рамках международных организаций»¹.

Наибольшие разногласия вызывает трактовка термина «трансформация». В западной доктрине он рассматривается как один из способов имплементации норм международного права, наряду с другим способом - «адаптацией» (*adoption*). В российской доктрине ряд юристов (В.Г. Вуткевич, С.В. Черниченко, Е.Т. Усенко) настаивают на широком понятии трансформации, подразумевая под ней весь механизм реализации норм международного права². Указанная точка зрения подвергается критике другими российскими юристами, например, Р.А. Мюллерсоном, Г.В. Игнатенко. Причем последний считает иллюзорной концепцию трансформации международно-правовых норм в национально-правовые нормы по следующим причинам:

1) трансформация означает прекращение существования трансформируемых предметов, что международным договорам не присуще;

2) на стадии применения, если учитывать данное суждение, взаимодействие двух правовых систем заменяется одной национально-правовой системой .

Представляется, что приведенные аргументы достаточно убедительны для обоснования неудачности использования термина «трансформация» в широком смысле. Он вполне может применяться для определения способа влияния международного права, результатом которого является радикальная модификация национального законодательства.

Как и во внутреннем праве, нормы международного права в зависимости от характера действий его субъектов реализуются в различных формах, к которым относятся соблюдение, исполнение, использование и применение. Однако, несмотря на наличие определенного сходства с формами реализации внутригосударственного права, содержание этих форм обладает значительными особенностями, определяемыми спецификой международно-правового регулирования.

Соблюдение является формой, с помощью которой реализуются нормы-запреты. Субъекты международного права воздерживаются от совершения действий, которые запрещены нормами международного права. Например, п. 2 ст. 55 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, запрещается «причинение ущерба природной среде в качестве репрессалий». Таким образом, непричинение ущерба природной среде в качестве репрессалий либо отказ в соответствии с п. 1 ст. 55 от «использования методов или средств ведения войны, которые имеют целью причинить или, как можно ожидать, причинят такой ущерб природной среде», будут свидетельствовать о том, что данные международно-правовые нормы реализуются.

Исполнение как форма имплементации международного гуманитарного права предполагает активную деятельность субъектов по осуществлению норм. Исполнение характерно для норм, предусматривающих конкретные обязанности, сопряженные с определенными действиями. В таком виде сформулирована, например, норма, содержащаяся в п. 1 ст. 27 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., которая гласит: «Государство пребывания должно разрешать и охранять свободные сношения представительства для всех

официальных целей. При сношениях с правительством и другими представительствами и консульствами аккредитующего государства, где бы они не находились, представительство может пользоваться всеми подходящими средствами, включая дипломатических курьеров и шифрованные депеши. Тем не менее, представительство может устанавливать и эксплуатировать радиопередатчик лишь с согласия государства пребывания».

При такой форме имплементации, как использование, происходит воплощение в жизнь так называемых уполномочивающих норм. В отличие от первых двух форм имплементации в этом случае нет жесткого предписания конкретного поведения (действия или бездействия). Например, п. 3 ст. 27 Конвенции о правах ребенка 1989 г. определяется, что «государства-участники в соответствии с национальными условиями и в пределах своих возможностей принимают необходимые меры по оказанию помощи родителям и другим лицам, воспитывающим детей, в осуществлении этого права и, в случае необходимости, оказывают материальную помощь и поддерживают программы, особенно в обеспечении питанием, одеждой и жильем». Решения об использовании таких нормативных положений принимаются субъектами самостоятельно.

Особой формой имплементации международного права является применение. При применении субъекты международного права организуют, с одной стороны, выполнение предписаний международно-правовых норм посредством принятия их органами индивидуальных актов, а с другой - охрану и защиту права от нарушения. Главная функция применения заключается в необходимости юридической обеспечительной деятельности, выражающейся в использовании принуждения для восстановления нарушенного права государствами индивидуально или через создаваемые ими на основе соглашения соответствующие правовые средства и организационно-правовые формы.

Примером применения норм международного права может служить деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии при рассмотрении дел в отношении лиц, совершивших военные преступления.

Список использованных источников

1. Игнатенко, Г.В. Проблемы реализации норм международного права / Г.В. Игнатенко. — Свердловск, 1989.
2. Зыбайло, А.И. Соотношение международного и внутригосударственного права / А.И. Зыбайло. - Минск: Право и экономика, 2007.

3. Игнатенко, Г.В. Взаимодействие внутригосударственного и международного права / Г.В. Игнатенко. - Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1981.
4. Мюллерсон, Р. А. Соотношение международного и национального права / Р.А.Мюллерсон. - М.: Международные отношения, 1982.
5. Павлова, Л.В. Имплементация норм международного права во внутреннее право / Л.В. Павлова [и др.]. - Минск: Изд-во БГУ, 2001.
6. Суворова, В.Я. Реализация норм международного права / В.Я. Суворова. - Екатеринбург, 1992.
7. Международное публичное право. Общая часть: учеб. Пособие / Ю.П. Бровка [и др.]; под ред. Ю.П. Бровки, Ю.А.Лепешкова, Л.В.Павловой. \ Минск: Амалфея, 2010. 496 с.
8. Калугин, В.Ю. Механизм имплементации международного гуманитарного права / В.Ю. Калугин. - Минск: Светоч, 2003.